

**Армянская и грузинская церкви
в политике Российской империи
начала XX века:
вопрос о пределах автономии**

*КУМΠΑН Екатерина Николаевна
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры новой, новейшей истории
и международных отношений Кубанского государственного
университета, г. Краснодар, Россия.
Электронная почта: e_kumpan@mail.ru.*

**Armenian and Georgian Churches
in the Policy of the Russian Empire
in the Early 20th Century: the Question
of the Extent of Autonomy**

*Ekaterina N. KUMPAN
Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.
Department of Modern History, Contemporary History
and the International Relations, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
E-mail: e_kumpan@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются религиозные движения, отстаивавшие расширение прав Армянской апостольской и Грузинской православной церквей на Южном Кавказе в первом десятилетии XX в. На основе архивных материалов и опубликованных источников, была проанализирована правовая, социокультурная, политическая обусловленность религиозных процессов, выявлены причины их радикализации.

Ключевые слова: религия, политика, церковь, Армения, Грузия, Дашнакцутюн, Экзархат.

Abstract

In the paper the religious movements, contended with the expansion of the rights of the Armenian Apostolic and Georgian Orthodox churches in the South Caucasus are analyzed. This phenomenon has occurred in the first decade of the 20th century. The legal, socio-cultural and political conditionality of the studied religious processes was examined on the basis of archival materials and published sources. The causes of radicalization of these processes are identified.

Keywords: religion, politics, the church, Armenia, Georgia, Dashnaksutyun, Archdiocese.

В начале XX в. динамично меняется политическое пространство Российской империи. Религиозные законы 1903–1905 гг. (см.: [23], [25]), дарование гражданских прав должны были снизить уровень конфликтности в обществе, прежде всего тем, что подразумевали дальнейшие

изменения. Признание императором необходимости реформ в конфессиональной сфере давало надежду на уменьшение государственного контроля и если в Русской православной церкви вновь поднимается вопрос о необходимости восстановления патриаршества, то на Южном Кавказе — в Армянской апостольской церкви и Грузинском экзархате — стремились преодолеть ограниченные рамки автономии. Борьба за расширение прав христианских конфессий в регионе не ограничивается пределами первой русской революции и приобретает разные формы: от петиций, до беспрецедентного в истории Российской империи убийства архиерея. Фактически основной причиной конфликта было то, что положение церквей в начале «короткого XX века» продолжало регулироваться тем же законодательством, что и столетием прежде.

Еще в период правления Петра I «право иметь в своем ведении духовные дела русских армян» было даровано Эчмиадзинскому патриарху — главе Армянской апостольской церкви (ААЦ) [30, л. 80]. После вхождения Восточной Армении в состав Российской империи управление ААЦ в России происходило на основе Положения 11 марта 1836 г.: церкви предоставлялось автономное устройство, высшее управление церкви принадлежало патриарху — католикосу всех армян, пребывавшему в Эчмиадзинском монастыре в пределах России. При вакантности Эчмиадзинского престола, два кандидата на место католикоса избирались съездом депутатов от епархий ААЦ (от каждой епархии кандидат духовный и светский) и высшего духовенства, затем Российский император утверждал одного из них [22].

При верховном католикосе находился Эчмиадзинский григорианский Синод, совещательный орган из че-

тырех епископов и четырех архимандритов, назначаемых с высочайшего утверждения [19, с. 202]. Синод обладал высшей распорядительной и судебной властью, но был подчинен Правительствующему Сенату, министру внутренних дел, министерству юстиции и судебные приговоры Синода должны были контролироваться Кавказским наместником — существовала должность особого надзирающего прокурора при Эчмиадзинском Синоде (в законе указано, что он должен был определяться Сенатом из чиновников, знающих русский и армянский языки) (см.: [20], [42, с. 551]).

Несмотря на ограничения, характерные для всех конфессий, присутствовавших в то время в Российской империи, Армянская апостольская церковь обладала значительной автономией: прежде всего была сохранена сама должность католикоса — в отличие от Русской православной церкви, лишенной патриарха. Католикос являлся духовным главой всех последователей армяно-григорианского вероисповедания и это давало ему свободу большую, чем было зафиксировано Положением. Попытки ограничения его власти со стороны российского правительства неизбежно вызвали бы ослабление авторитета католикоса и, соответственно, опасность утраты влияния России на армян, проживающих за пределами страны, прежде всего в Османской империи. Положением 1836 г. не предусматривалась возможность смещения католикоса с престола — например, в случае конфликта со светской властью. В то же время император, обладая правом утверждать одного из выбранных на съезде кандидатов, фактически сталкивался с необходимостью утвердить того, кто набрал большее количество голосов: выбор кандидата по критерию лояльности (русскоподданный, политические убеждения, личностные качества) вновь создавал опасность

утраты влияния на зарубежные епархии или выхода их из-под власти Эчмиадзинского престола.

Важным пунктом Положения было то, что при выборе кандидатов правительство сохранило традицию голосования светских депутатов: «по древнему сей Церкви обычаю» указывается в Собрании Законов. Сохранение этого элемента демократии, учитывая политическую специфику периода, показывает, насколько важным было для имперской администрации сохранить международный статус католика.

Синод являлся органом влиятельным и жестко контролируемым светской властью, но в том случае если католикос отводил ему только декоративную функцию или не предлагал кандидатов на вакантные места, то действенных механизмов влияния на католика не существовало. П. Верт приводит в качестве примера ситуацию, сложившуюся в 1840-х гг.: католикос Нерсес, считая Синод не каноничной структурой, отказывался назначать в него новых представителей. Конфликт, как пишет исследователь, никогда не был разрешен и прекратился только после смерти Нерсеса в 1856 г. [3, с. 112].

Учитывая особенности законодательства, самостоятельность католикосов и тенденции в управлении этноконфессиональными группами в Российской империи, с последней четверти XIX в. нарастает конфликтность во взаимоотношениях власти и Армянской апостольской церкви.

Резкое неприятие в 1880–1890-е гг. вызвали попытки реформирования системы армянских церковных школ и последовавшее их закрытие [34, л. 45]. В 1903 г. последовал закон о передаче имущества ААЦ в ведение правительственных учреждений [24] — сопротивление

армян пришлось подавлять при помощи оружия [35, л. 41]. Протест заявило и турецкое духовенство, указав на то, что имущество принадлежит не русско-подданным армянам, а всей ААЦ. 1 августа 1905 г. указом императора закон 1903 г. был отменен с возвращением собственности Армянской церкви [26]. Острая фаза конфликта была пройдена, но на его фоне резко усилилась активность революционных организаций армян: если ранее их деятельность была направлена против Турции, то теперь они заявляли, что «переносят деятельность в Россию и вступают в борьбу с самодержавной бюрократией» [31, л. 66].

Необходимо было разработать новое положение об армянских церковных школах. В июне 1906 г. по инициативе католикоса Мкртича прошли выборы делегатов съезда в приходских собраниях: правом голоса обладали все прихожане от 21 года [13, с. 721]. Прокурор Эчмиадзинского Синода отмечал, что выборы членов съезда проходили под давлением левых фракций Дашнакцутюн и цель инициаторов съезда — «вынудить либо запрещение съезда правительством, либо его насильственный роспуск» [29, с. 721]. Только за 10 дней до планируемого начала работы съезда, католикос обратился за разрешением на его проведение. Наместник на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков разрешил: во-первых съезд планировался для обсуждения церковных вопросов, во вторых одновременно был разрешен общемусульманский съезд в Нижнем Новгороде [8, с. 722]. Министр внутренних дел П. А. Столыпин проведение съезда счел нежелательным, но не стал отменять решение наместника.

Съезд в Эчмиадзине был открыт 17 июля, из 53 депутатов только 5 были духовными лицами, подавляющее большинство (45 депутатов) от партии Дашнакцутюн. Эч-

миадзинский съезд, постановил считать себя учредительным, потребовал отделения церкви от государства. Часть делегатов отказалась участвовать в работе съезда, фактически остались только представители Дашнакцутюн, которые объявили о своем праве рассматривать все вопросы, как законное народное представительство. Съезд был закрыт, Николай II постановил через наместника разъяснить католикосу неправильность его действий [8, с. 722–723].

Католикос Мкртич (и его преемники) сохраняли практику епархиальных собраний с выборными депутатами и право собраний избирать кандидатов в епархиальные начальники. Власть сложившуюся систему рассматривала как склонность армян «к самоуправлению на конституционно-демократических началах» [7, с. 728] и указывала на стремление армянских политических движений «придать патриаршей власти характер не только высшего духовного, но и светски-национального главенства над армянской нацией при возможно полной независимости от государственной власти» Российской империи [28, с. 730]. В этих условиях в 1907–1908 гг. на правительственном уровне шло обсуждение вопроса о необходимости пересмотра полномочий католикоса и ограничения его власти только пределами Российской империи.

П. А. Столыпин высказывался за уравнивание армяно-григорианской церкви в правах с другими иностранными исповеданиями на территории Российской империи; считал неверным отсутствие в Положении об Армяно-григорианской церкви статьи о порядке увольнения католикоса; стремился уравновесить голоса российских и зарубежных армян при выборе католикоса; вводить в сан католикоса только русских подданных, владеющих русским языком.

И. И. Воронцов-Дашков считал, что подобные преобразования спровоцируют новые революционные выступления на Кавказе [12, с. 734]. Наместник пояснял, что «сведение католикоса на роль духовного начальника только русских армян смутит их умы, но не достигнет цели... либо избранный Эчмиадзинский католикос подчинится такому требованию, но тогда где-нибудь в Турции изберут католикоса всех армян и Эчмиадзинский патриарх ему подчинится, либо Эчмиадзинский патриарх будет игнорировать закон и сам останется главой всех армян» [18, с. 746–747]. Отсутствие знания русского языка отстранит от участия в выборах консервативных священников старшего возраста, как раз менее подверженных революционным идеям, а уравновесить число голосов российских армян и зарубежных не возможно: в России 6 епархий, в Турции — 45 [9, с. 751].

В поддержку сохранения значимости Верховного патриарха-католикоса выступило министерство иностранных дел. В отзыве, подписанном А. П. Извольским, акцентировалось, что авторитет Эчмиадзинского патриарха «дает нам ценное оружие политического влияния в пределах соседних мусульманских стран и прежде всего в Турции». Перспектива лишения католикоса его вселенского статуса трактовалась как нарушение «прямых государственных интересов России» [17, с. 758].

В результате, несмотря на желание П. А. Столыпина пересмотреть права католикоса после смерти Мкртича (в период с октября 1907 по ноябрь 1908 г., когда новый католикос еще не был избран), прежняя система продолжала действовать, было введено только положение о тайном голосовании при избрании двух кандидатов. 1 ноября 1908 г. большинством голосов был избран первым канди-

датом Матеос Измирлиан [36], сторонник Дашнакцутюн, в июне он был утвержден императором. В 1911 г. во время следующих выборов католикоса, произошел конфликт: 32 депутата отказались от голосования, заявив о давлении, оказываемом на них Дашнакцутюн и национальным собранием в Константинополе. Избранный патриархом Кево́рк Суреньян, получил всего на 1 голос больше Дурьяна (кандидата Дашнакцутюн). Влияние партии дашнаков снижалось, в 1913–1914 начнется процесс возрождения их партийных организаций, но в этот период проблема расширения прав католикоса теряет остроту: на первый план выходит армянский вопрос в Османской империи [4, с. 201–202].

Если Армянская церковь лавировала в относительно свободных рамках, обусловленных особенностями не только внутренней, но и внешней политики России, то в Грузии деятельность православной церкви проходила в пределах, строго очерченных распоряжениями Святейшего Синода.

Автокефалия Грузинской церкви была ликвидирована в 1811 г. Во главе церкви Святейшим Правительствующим Синодом был поставлен экзарх — Варлаам (Эриста́ви). Включение Грузинской православной церкви в общую систему управления Русской православной церковью должно было способствовать скорейшей интеграции грузин в социокультурное пространство империи, но после Варлаама на пост экзарха назначались только русские [2]: таким образом, в течение первой половины XIX в., экзарх и епархиальные архиереи, многие из которых были грузинами, говорили на разных языках, делопроизводство велось через переводчика. В письмах экзарха представителям местного духовенства листы делились на две колонки в од-

ной был вписан русский текст, в другой — его грузинский аналог [37, с. 34]. Количество приходов и священнослужителей было сокращено, богослужение часто происходило на русском языке. Вплоть до 1917 г., «русских священников, не имевших даже ни малейшего понятия о грузинском языке, потому что они русские, назначали в приходы почти со сплошным грузинским населением [1, с. 271].

Генерал Р. А. Фадеев характеризуя специфику управления Грузией в начале 1880-х гг., писал, что «народ перестал ходить в церковь даже в большие праздники и ни в чем не обращаются к священникам, говоря, что они ему чужие, что они не умеют ни толково читать, ни даже хорошо говорить по-грузински, а тем менее блюсти обычая местной церкви... Дело правительства исправить этот промах» [40, с. 472–473].

Кризис управления приходской жизнью зафиксирован и в отчетах обер-прокурора Святейшего Синода за 1905–1907 гг.: «Духовенство, особенно сельское, сделалось предметом смеха и издевательств со стороны простонародья; во время волнений некоторые священники вынуждены были укрываться от своих прихожан и заниматься поденными работами, чтобы не умереть голодною смертью» [5, с. 163].

В духовных учебных заведениях Грузии активно распространялось протестное движение. При ревизии, проводимой помощником управляющего Канцелярией Св. Синода С. В. Керским в 1880-х была обнаружена переписка семинаристов в которой обосновывалась необходимость добиваться автокефалии грузинской церкви, как «первого шага к самостоятельности Грузии» [32, л. 1], в 1886 г. ректор Тбилисской духовной семинарии Чудецкий был убит исключенным из семинарии Иосифом Лагиашвили [2]. В

начале XX в. движение приняло массовый характер, особое место занимали идеи национального освобождения. Администрация исключала студентов, распространяющих революционные идеи. Публицист Н. Дурново, ссылаясь на воспоминания преподавателя Тифлисской духовной семинарии, изданные в 1908 г., пишет, что с 1900 г. грузин исключали из семинарии массово, «нещадно без всякой вины, даже лучших учеников, — меньше воспитанников, меньше забот и волнений, меньше ответственности. В 1903 г. окончило курс только 11 грузин; в 1905 г. в грузинской семинарии грузин уже не было; оставалось в ней всего 40 человек русских» [39, с. 99]. В 1905 г. была закрыта Кутаисская духовная семинария. Тифлисская продолжила работу, но вскоре был убит инспектор М. А. Добронравов [41].

Весной 1905 г. духовенство Грузинского экзархата официально заявило о стремлении к автокефалии. На съезде депутатов духовенства Имеретинской епархии 19 марта была составлена петиция Комитету министров, в которой депутаты просили признать независимость Грузинской церкви во главе с избираемым католикосом, разрешить выборность священнослужителей; реформировать систему школьного образования и подготовки священников; даровать свободу слова, печати, собраний духовенства, освободить церкви от служения политическим целям [21, с. 660—661].

Обсуждение проблем Грузинской церкви перешло на уровень Св. Синода и Предсоборного Присутствия, заседания проходили в острой полемике, но в июне 1906 г. решение фактически свелось к назначению нового экзарха — Никона (Софийского). «Кажется так понимает Синод вопрос об автокефалии», — писал об этом епископ Кирион [10, с. 161, 164]: в октябре он возглавил автокефалистское движение.

Грузинское духовенство официально объявило бойкот нового экзарха, «как русскому по происхождению, а не грузину»[5, с. 166–167]. Еще до приезда в Тифлис, Никон получил анонимное письмо, с требованием покинуть город в течение двух недель. Н. Дурново писал: «В настоящее же время экзарх Грузии, Никон, опасается показаться своей пастве; со дня приезда своего, в сентябре минувшаго 1906 г., в Тифлис он, сопровождавшийся тогда конвоем казаков от вокзала железной дороги до Собора по улицам, по которым расставлен был в полном вооружении весь гарнизон города, более не появлялся в Сионском соборе, зная, что паства его знать не хочет и что ей он чужд»[6]. Епископ Горийский Петр (Кончошвили), приветствуя Никона, призвал экзарха «жить в мире с грузинами»... так как «кроме браунингов и кинжалов есть в Тифлисе река Кура, куда бросали даже митрополитов» [38]. Опасаясь покушения, Никон носил защитный панцирь.

Экзарх произвел кадровые перестановки, переместив лидеров автокефалистов, но также предпринял ряд мер, сообразных предложениям, звучавших в петициях духовенства экзархата: получил согласие Синода на введение выборного принципа при назначении приходских священников и благочинных, направил ходатайство о преподавании на грузинском языке богословских предметов, получил деньги на перевод на церковно-грузинский язык богослужебных книг [14, с. 673].

Отметим, что в грузинской исторической литературе деятельность экзарха Никона трактуется негативно, высказываются мнения о том, что грузинское духовенство подвергалось репрессиям, а грузинский язык запрещалось использовать при обучении и в богослужебной практике [27].

В апреле 1908 г. Никон завершил составление секретного протокола переустройства грузинских епархий и направил его в Санкт-Петербург, заручившись согласием П. А. Столыпина на его утверждение. 28 мая 1908 г., накануне отъезда в Св. Синод, экзарх был смертельно ранен. Террористы скрылись с места преступления [4, с. 86–87], [14, с. 673]. Из-за недостатка улик судебного процесса не последовало. Газеты писали о том, что было произведено много арестов и выдвигали версии, о том, что убийство могло быть совершено «уволенными семинаристами» или было следствием инспекции экзархом синодальной канторы [16]. На ротмистра, расследовавшего дело, также было совершено покушение [15]. Лидер автокефалистов, епископ Кирион, был заключен в Санаксарский монастырь в Тамбовской губернии. Вопрос об автокефалии грузинской церкви на время был отложен, хотя и в начале второго десятилетия XX в. правительство имело основания опасаться активизации деятельности автокефалистов [33, л. 61–62, 66].

Идеология Российской империи строилась на том, что общность веры формирует российскую идентичность и единое ценностное пространство. На практике реализация интегративной модели на Южном Кавказе оказалась отличной от ожидаемых результатов. В отношении Армянской апостольской церкви это отчасти объяснялось стремлением католиков, как русско-, так и иностранно поданных проводить независимую от светской имперской власти политику, затем несовершенством законодательства — недостаточно детализированным и более либеральным, чем предпочло бы министерство внутренних дел, но дарующим меньше свободы, чем хотела бы сама церковь; при этом ограничение права католика противоречило внешнеполитическим интересам России. В то же время

радикализация требований представителей Армянской апостольской церкви происходила под влиянием партии Дашнакцутюн — кратковременный кризис партии привел к снижению ее влияния и в религиозной сфере.

Грузинская церковь изначально была крайне ограничена в правах и, учитывая назначение Синодом русских экзархов, не могла расширить рамки свободы, не изменив сам статус церкви в государстве. В то же время в районах Грузии происходило ослабление коммуникации между паствой и прихожанами, духовенством и центром. Это подтверждают и отчеты обер-прокурора Святейшего Синода: в них даже данные статистики по Грузинскому экзархату часто отсутствуют. Волнения в духовных семинариях также свидетельствуют о крайнем снижении доверия самих будущих священников к системе не только образования, но и управления церковью. Активная полемика ведется и по поводу имуществ Грузинской церкви, переданных в управление государству. Движение автокефалистов радикализировалось постепенно: традиционная тактика затягивания реформ (более успешная в случае с Русской православной церковью) в Грузии оказывается не эффективной: слишком широк спектр противоречий. В то же время дарование самостоятельности Грузинской церкви или резкий пересмотр прежних векторов управления не представлялось Св. Синоду возможным: во-первых возрастала вероятность дальнейшего обособления Грузии, во-вторых, население негрузинских приходов в большей степени подверглась бы воздействию грузинской культуры и языка, а ограничение территории Экзархата вызвало бы дополнительную конфликтность. Спад автокефалистского движения, последовавший после трагической гибели экзарха Никона (Софийский) в то же время показывает, что

конфронтация в ожесточенном ее проявлении была для духовенства неприемлема. Напряженность борьбы за расширение пределов автономии резко снижается, но сразу после февральской революции церковь завершила процесс обретения независимости.

Использованная литература:

1. *Брихничев И.* Открытое письмо протоиерею С. Городцову // Правда об автокефалии Грузинской церкви. Кутаиси: Тип. В. Чиладзе и Ко, 1906. С. 269–276.
2. *Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М.* История Грузии (с древнейших времен до наших дней) [Электронный ресурс] // Библиотека Гумера. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Vachn/16.php (дата обращения: 17.10.15).
3. *Верт П.* Глава Церкви, подданный императора: армянский католикос на перекрестке внутренней и внешней политики империи, 1828–1914 г. // *Ab imperio*. 2006. № 3. С. 99–138.
4. *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
5. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб.: Синод. тип., 1910.
6. *Дурново Н.* Судьбы Грузинской Церкви. (По вопросу о Грузинской церковной автокефалии) [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова. URL: http://krotov.info/libr_min/05_d/ur/novo1.htm (дата обращения: 17.10.15).
7. Записка о современном положении армяно-григорианской церкви в России // Дякин В. С. Национальный

- вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998.
8. И. И. Воронцов-Дашков — П. А. Столыпину 13.9.1906. // Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998.
 9. И.И. Воронцов-Дашков — П. А. Столыпину. 12.6. 1908 г. // Дякин. В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998.
 10. Из стенограммы заседания №2 II отдела особого предсоборного присутствия при Св. Синоде // Святой 11. Священномученик Кирион II (Садзаглишвили) и Абхазия / сост. Дж. Гамахария. Тбилиси., 2006. С. 161–164.
 12. Изложение отзыва И. И. Воронцова-Дашкова 30.1.1908 г. // Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998.
 13. Кондак Митрича. 30.06.1906 // Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998.
 14. Копия доклада следственного акта об убийстве Никона // Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998.
 15. Убийство экзарха Грузии Никона и покушение на убийство начальника тифлиского охранного отделения // Русское слово. 1908. 11 июня (29 мая).
 16. На Кавказе // Русское слово. 1908. 12 июня (30 мая).
 17. Отзыв МИД на представление МВД 24.3.1908 г. // Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней по-

- литике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998.
18. Отзыв наместника на Кавказе на представление МВД // Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998.
 19. Павлов А. С. Курс церковного права. СПб.: Лань, 2002.
 20. Певцов В. Г. Лекции по церковному праву [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова. URL: http://www.krotov.info/library/16_p/ev/tsov.htm#_Toc519348475 (дата обращения: 18.10.15).
 21. Петиция духовенства Имеретинской епархии в Комитет министров // Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998.
 22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: 1825–1881. Т. 11. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. Отд. 1. Ст. 8970.
 23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: 1991–1913. СПб., 1903. Т. 23. Отд. 1. Ст. 22581.
 24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: 1991–1913. СПб., 1903. Т. 23. Отд. 1. Ст. 23156.
 25. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: 1991–1913. СПб., 1904. Т. 24. От. 1. Ст. 25495.
 26. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: 1991–1913. СПб., 1908. Т. 25. Отд. 1. Ст. 26613.

27. Православная Энциклопедия / под ред. патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 13. [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/168201.html> (дата обращения: 18.10.15)
28. Представление МВД в Совет министров «О мерах к упорядочению правления делами армяно-григорианской церкви в России» (черновой вариант) 12.6.1908 // Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998.
29. Прокурор Эчмиадзинского Синода Френкель — Н.Н. Максимову 9.8.1906 г. // Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.) СПб.: ЛИСС, 1998.
30. Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 7. Д. 96.
31. Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 2.
32. Российский государственный исторический архив. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 157.
33. Российский государственный исторический архив. Ф. 1579. Оп. 1., Д. 169.
34. Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 7. Д. 222.
35. Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 7. Д. 286.
36. Выборы каталикоса // Русское слово. 1908. 15 нояб.
37. Рыбаков А. В области кесаря: проблема статуса и структуры Грузинской православной церкви после отмены автокефалии (первая половина XIX в.) // *Ab imperio*. № 3, 2010. С. 113–151.

38. Санкин Д. «Нет выше духовной жертвы перед Богом, как любовь»: памяти Высокопреосвященного Никона (Софийского) [Электронный ресурс] // Русское воскресение: православие, самодержавие, народность. URL: <http://www.voskres.ru/podvizhniki/nikon.htm> (дата обращения: 16.10.15).
39. Судьбы Грузинской Церкви (по вопросу о грузинской церковной автокефалии. М.: Русский стяг, 1907.
40. Фадеев Р. А. Записка об управлении азиатскими окраинами [1882–1883] // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв. СПб.: Звезда, 2005. С. 472–473.
41. Филлипов Ю. Революционное движение и духовные школы России в конце XIX — начале XX вв. [Электронный ресурс] // Православие.Ру. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/060418185620.htm#rel41> (дата обращения: 16.10.15)
42. Церковное право. Лекции проф. Санкт-Петербургского университета М. И. Горчакова. 1881–1882. Б.м. Б.г.